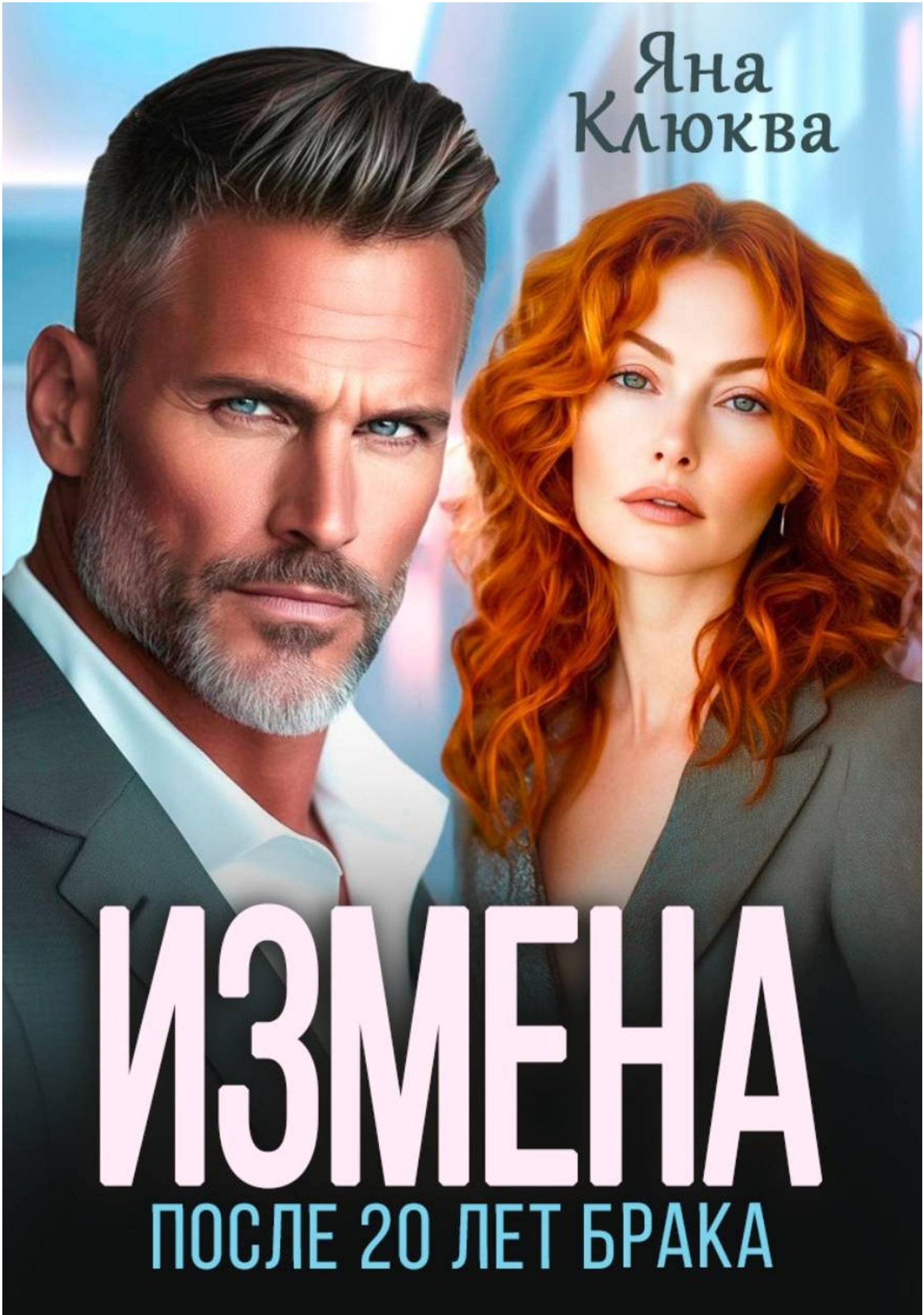
Яна Клюква
ИЗМЕНА
ПОСЛЕ 20 ЛЕТ БРАКА

Яна Клюква

Измена. После двадцати лет брака

«Автор»

2026

Клюква Я.

Измена. После двадцати лет брака / Я. Клюква — «Автор», 2026

– Марин, нам надо поговорить, – с порога заявляет мой супруг. Взгляд прямой. Без тени сомнения. – Что-то произошло? – роняю и сама почему-то думаю о том, что в последнее время мы отдалились. – У меня скоро родится сын. От другой женщины.Не могу сделать вдох. Сердце сжимается с дикой болью, а воздуха попросту нет. Но всё равно нахожу силы на вопрос:– Кто она?

© Клюква Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 19
Глава 5 24
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Измена. После двадцати лет брака

Глава 1

– Марин, нам надо поговорить, – с порога заявляет мой супруг. Взгляд прямой. Без тени сомнения.

В последнее время он избегает его. Отводит глаза всякий раз, как я затеваю разговор. И неважно о чём. Отпуск, вопросы о том, как прошёл его день или планы на предстоящие выходные.

Дети давно выросли, и сейчас сами строят свою жизнь. Покоряют столицу. А мы, наконец, смогли найти время и на себя.

Так, я думала. Ровно до этого момента.

Его настрой мне не нравится. Слишком серьёзен, напряжён. Внутри сразу зарождается нехорошее предчувствие. Мысленно уговариваю себя, что разговор ожидается не настолько серьёзным, чем кажется. Но почему-то молчу. Будто подсознательно тяну время.

– Что-то произошло? – роняю и сама почему-то думаю о том, что в последнее время мы отдалились. И ладно бы домашние хлопоты были этому причиной. Но я чувствовала… что-то не так.

– У меня скоро родится сын. От другой женщины, – сообщает так, будто это радостная весть. Хотя на лице нет ни тени улыбки. Смотрит напряжённо. Вероятно, предполагает худшее. Не зря.

Не могу сделать вдох. Сердце сжимается с дикой болью, а воздуха попросту нет. Но всё равно нахожу силы на вопрос:

– Кто она?

Молчит. А мне хочется кричать. Грудь разрывает от боли. Была бы моя воля, я бы выла на одной ноте, словно загнанный в угол зверь. Лишь бы выплеснуть то, что чувствовала. Но не могу. Сдерживаюсь. Как и всегда.

– Ты её знаешь. Олеся Немцова, – отмирает и разувается. Вероятно, думает, что раз спрашиваю, значит, приняла новость спокойно. И даже не представляет, какая пустота разрастается в груди, как быстро она поглощает меня всю без остатка.

Двадцать лет в браке. Нам за сорок. Двое взрослых детей. Впереди спокойная счастливая жизнь без особых забот. Должна была быть… Но нет. Николай решил иначе. Изменил с моей бывшей одноклассницей. И, вероятно, не один раз, ведь она успела забеременеть.

– Я соберу твои вещи, – сообщаю мужу. А руки дрожат. Упрямо стискиваю их в замок, лишь бы не показать настоящих эмоций, которые разрывают меня на части.

– Я не собираюсь съезжать, – спокойно отвечает, проходя мимо. – И ты никуда не уедешь. Олеся переедет к нам. Ей нужна помощь с ребёнком. А ты уже опытная мама. Поможешь, – будто ничего такого и не происходит, поясняет мне.

Перед глазами темнеет. Становится дурно. До такой степени, что пол уходит из-под ног. С трудом удерживаю себя в вертикальном положении. Помогает лишь то, что за двадцать лет совместной жизни я привыкла подавлять в себе эмоции, стараться не показывать их. Хотя сейчас я готова выплеснуть весь гнев на голову предателю.

– Что ты такое говоришь? Как у тебя язык поворачивается? – выдыхаю, прижимая ладонь к груди и ощущая очередной болезненный укол в районе сердца.

Хочется выкрикнуть банальность: “Я отдала тебе лучшие годы своей жизни. Как ты можешь?” Да только ком в горле мешает произнести ещё хоть одно слово.

– Я уже всё решил. Иди накрой на стол. Я устал и хочу отдохнуть, – безапелляционным тоном заявляет муж. А боль разъедает сердце без остатка.

Пару минут стою, смотря в никуда. В голове не укладывается, что всё происходящее - правда. Что это не чья-то глупая шутка. Что сейчас на пороге не появится Олеся с криком: “Розыгрыш!” А муж не кинется целовать и извиняться.

Вместо этого я слышу, как муж заходит в гардеробную, как развязывает галстук, гремит пряжкой ремня. Все чувства обострены до предела. Даже запахи… тонкий аромат незнакомых духов доносится до моего носа.

Олеся. Он уже виделся с ней сегодня.

От этой мысли в груди сердце сжимается от боли. Хочется снова взвыть. Скатиться в истерику. С трудом преодолеваю это желание. Подавляю в себе.

Заставляю развернуться и направиться в нашу спальню.

Я не останусь. Не смогу. Мне надо уйти. Собрать вещи и покинуть этот дом, где, кажется, всё пропитано предательством.

Действую на автомате. Чемодан, положить свои вещи. Хотя бы немного. На первое время. А потом…

– И куда ты собралась? – слышу голос мужа будто через беруши. Он звучит как-то глухо. Но я оборачиваюсь.

Стоит, смотрит на меня безжалостно. Раздеться не успел. Рубашка ещё на нем. но верхние пуговицы расстёгнуты. Выглядит небрежно, но больше пугает взгляд. Совершенно спокойный.

– Ты домохозяйка всю жизнь. Живёшь за мой счёт. У тебя есть деньги?.. – бьёт по больному. Это отрезвляет. Заставляет меня сделать шаг в сторону и опуститься на край кровати. Опираюсь одной рукой, лишь бы не упасть. Перед глазами пустота. Я будто и не я сейчас. Не понимаю, что творю. Хочется просто сбежать. Но… – Не глупи, Марин. Тебе некуда идти. Иди на кухню и накрой на стол.

– За что ты так со мной? Если это шутка, то она слишком затянулась, – произношу каким-то безжизненным голосом. Чувствую безысходность. Будто выбора-то у меня и нет, и я могу лишь попытаться понять причину…

– Ты должна была уже успокоиться. Что ты опять собралась устроить? Допрос? – спрашивает раздражённым голосом. – У меня нет на это времени. Держи себя в руках.

– Держать в руках? – кажется, эта фраза стала последней каплей.

Всегда будучи сдержанной, больше нет сил молчать.

– Держать в руках? – выдыхаю вновь и медленно поднимаясь. Руки дрожат, но стискиваю пальцы в кулаки. – Ты!.. Ты изменил мне с моей одноклассницей! Она беременна от тебя, Коля! И ты говоришь мне держать себя в руках? Будь на моём месте другая, то…

– То, что? Твоего здесь ничего нет, Марин. Не хочешь оказаться на улице, замолчи и делай, что тебе говорят! И лучше поблагодари за то, что я хочу доверить тебе своего ребёнка, – заявляет совершенно спокойно, но чувствую нотки раздражение. Говорит в сердцах, но в голове не укладывается, что это произносит мой же супруг. Тот, которого я, как мне казалось, знала. Но теперь передо мной замер другой человек. Незнакомый мне.

– Что? – чувствую, начинаю задыхаться от столь вопиющей наглости. – Да как ты смеешь! Я одна подняла девочек на ноги! Ты постоянно пропадал на работе. Я всю жизнь на них положила!

– Вот именно! Ты забыла обо мне. И так и не родила мне сына! – упрёк отрезвляет. Я начинаю понимать.

– Так в этом всё дело? В сыне? – выдыхаю и вновь делаю глубокий вдох. Дурно.

– Мне нужен наследник. Я тебе это говорил ещё тогда… двадцать лет назад, – заявляет всё с тем же спокойствием. И каким-то безразличием.

Наследник... Мужу почти пятьдесят, а он все еще одержим этой идеей.

Слёзы застилают глаза, и я бросаюсь с кулаками на мужа. Сдерживаться больше не в силах.

– Предатель! – кричу, пытаясь ударить его в грудь. Но муж не позволяет. Перехватывает за запястья и отталкивает обратно. На кровать. Падаю. Сил подняться уже нет. Грудь раздирает боль. Срываюсь в рыдания. Но вместо слов утешения в ответ слышу лишь:

– Возьми уже себя в руки. Ты ведёшь себя недостойно, Марин. Нам не по двадцать, чтобы устраивать истерики.

Он прав. Не по двадцать. Да только мои чувства все те же. Они не изменились со дня свадьбы. Кажется, будто стали ещё сильнее. И вроде бы отношения должен был съесть быт. Дети, заботы. Так и было. Но я любила и люблю этого мерзавца.

Лишь поэтому вела себя всегда так, как было угодно ему. Держалась с достоинством. Дома, на ужинах с его деловыми партнёрами, на корпоративах, куда приглашали с жёнами.

Николай был успешным. И я считала, что делаю всё, чтобы ничего его не тревожило и не отвлекало от бизнеса. А он… он, оказывается, думал иначе.

Мама всегда говорила: залог успешной семейной жизни - угождать мужу. Делать так, как ему будет комфортно. Да, где-то уступить, где-то пересилить себя. Но именно так и должна себя вести хорошая жена. Ведь он содержит семью, работает, устаёт. Задача жены - обеспечить ему благоприятные условия для отдыха.

И я делала всё, чтобы Николая ничего не тревожило. Вела себя достойно, никогда не повышала голос, не доставала домашними хлопотами. Всё это было на мне. И дети… с детьми я проводила всё время. Николаю было достаточно пару часов на выходных, чтобы сводить девочек куда-то, в остальном он узнавал об их успехах от меня.

Я считала это нормой, ведь Николай никогда не предъявлял претензий. Но теперь… теперь претензий было слишком много.

Молчу. Ответить супругу нечего. А он стоит, нависая словно коршун. Смотрит нечитаемым взглядом. Раздражён. Ему не нравится, что я истерю. Но знал бы он, насколько мне плохо.

– Не понимаю, что с тобой? Ты раньше не позволяла себе подобных выходок, – произносит, будто и в самом деле не понимает причины моей истерики. Искренне недоумевает, а я не могу понять кто передо мной? Где любящий муж, который был со мной эти двадцать лет?

Задыхаюсь. Задыхаюсь оттого, что он произносит это настолько буднично. Что на самом деле не осознаёт моего состояния.

– Ты тоже… – с трудом выдаю. – Не позволял себе подобного. Как давно? – беру себя в руки и медленно сажусь. Не обращаю внимания на мокрые от слёз щёки. Смотрю на предателя, казалось бы, спокойно, но губы предают. Дрожат.

– Как давно что? – хмурится. Не хочет больше этого обсуждать? Даже странно, что спрашивает. Обычно на раздражающие его темы просто отмалчивается.

– Как давно ты с ней? Пара месяцев, полгода, год, два? – на последнем слове голос срывается. Шепчу. Чем больше срок, тем больнее.

– К чему всё это, Марин? – не собирается отвечать. А мне становится ещё хуже. – Я уже сказал всё, что тебе следовало знать. Просто успокойся. И не позволяй себе больше подобного поведения. Мне это не нравится, – последнее произносит с давлением.

Внутри будто что-то обрывается. Хочется снова сорваться. Сообщить, что не ему одному не нравится происходящее. Да знал бы он, что сейчас творится у меня на душе. Насколько мне плохо.

Стискиваю зубы до скрежета. Дрожащей рукой смахиваю влагу с щёк и встаю. Стараюсь держаться с достоинством. Но тело подводит. Слишком напряжено, перенервничала.

– Приведи себя в порядок, – окидывает спокойным взглядом. Вероятно, думает, что вопрос исчерпан, раз больше не истерю. Но я с трудом сдерживаю себя. Плохо. Чуть ли не до

потери сознания. – Должна же понимать, что подобное поведение тебя совершенно не красит. Веди себя достойно!

– Достойно? – переспрашиваю. Не могу смолчать. Просто нет сил. – Я всю жизнь вела себя достойно, Коля! – отчеканиваю. – А вот ты… как ты мог? – спрашиваю, хотя и знаю, что ответа не получу.

– Я же сказал, успокойся! И иди на кухню! Лучше подумай о том, что приготовишь завтра на ужин. Олеся придёт к нам вечером, – заявляет, а мне становится дурно. С трудом удерживаю себя на ногах. Перед глазами всё плывёт. Новость о предстоящем ужине с любовницей супруга добивает.

– Что? – бледнея, переспрашиваю. Всё ещё не верю в то, что всё по-настоящему. Начинаю задыхаться.

– И никаких выходок. Ей нельзя нервничать, надеюсь, ты это осознаёшь? – спрашивает и окидывает равнодушным взглядом. Отчего мне становится вовсе не по себе, и я снова сажусь на кровать, прижимая руку к груди. А сама пытаюсь разглядеть в холодном взгляде супруга хоть каплю жалости к себе. Бесполезно. Его не волнует моё состояние. – Поужинаю в ресторане, – бросает раздражённо, а после разворачивается и уходит, напоследок громко хлопнув дверью.

А я прикрываю глаза, пытаясь справиться с накатившей на меня тошнотой. Это всё сон?

Глава 2

Сколько так сижу, не знаю. Голова раскалывается, дышу через раз. Умом понимаю: надо взять себя в руки. Но не могу. Тело ослабло до такой степени, что толком себя и не контролирую.

Надо чем-то заняться. Иначе сойду с ума.

Олеся. Я помню её. После выпуска мы и не виделись, но периодически я вспомнила о ней. Её выходка на выпускном наверняка многим запомнилась надолго.

Секс с учителем в туалете. В то время как его жена находилась в зале и не подозревала о том, чем занят её супруг. Если бы их не видели выходящими из одной кабинки, никто бы, может, и не узнал ни о чём. Но вечер закончился грандиозным скандалом. И незабываемыми воспоминаниями о том дне.

И теперь Олеся вновь появилась в моей жизни.

Думая о ней, мне становилось дурно. До безудержных слёз, которые скатывались по моим щекам градом. Падали на дрожащие руки, стиснутые на коленях в кулаки.

В груди было больно. Пустота поселилась во мне надолго. Возможно, даже навсегда.

Прежде я всегда чувствовала рядом крепкое мужское плечо, но сейчас Николай просто ушёл. Оставил меня одну справляться с переполняющими меня чувствами.

И от этого я чувствовала себя ещё хуже.

Сидеть на кровати больше не было сил. Когда я решилась встать, на часах уже было девять. Полтора часа я просидела в изнеможении, не в силах справиться с собой. И, казалось бы, мне должно было хоть немного стать легче. Но бесполезно. Тошно.

Ключ в замке ознаменовал, что Николай вернулся. Твёрдые шаги, его крепкая фигура в коридоре и снова взгляд. Чужой.

Вижу, что хочет что-то сказать. Но понимаю, что не смогу больше сегодня найти сил для нового разговора.

– Я постелю себе в гостевой комнате, – сообщаю ему также буднично. По крайней мере, стараюсь, не желая больше показывать свою слабость. Довольно и того, что сейчас я выгляжу жалко.

Молчит. Не говорит ни слова, но чувствую, что ему не нравится происходящее.

Пытаюсь пройти мимо, но не получается. Меня всё ещё трясёт. Должна что-то сказать ещё. Показать своё отношение к происходящему. Дать понять, что мне больно.

– Сама подам на развод, – сообщаю мужу, а очередной болезненный укол пронзает сердце. Не хочу. Люблю. Но и становиться нянькой не желаю.

Уйти не получается. Жёсткие пальцы вмиг сжимают локоть, останавливают.

– Я не дам тебе развод! – рычит. Чувствую от него угрозу, какую никогда не ощущала. – Хватит устраивать концерты, Марина! Не зли меня! Никакого развода! Не хватало ещё, чтобы в компании начали обмусоливать эту тему. Будь хорошей женой и веди себя подобающе! Мои партнёры не одобрят развод.

– Партнёры! – понимаю, что не могу смолчать. Его слова задевают. Он думает не о том, что чувствую я, а о своих партнёрах! – Как ты можешь? Ты убил меня сегодня! Растоптал моё сердце! Ты предал меня! А ты говоришь о партнёрах!

– Замолчи, Марина! Замолчи, иначе я за себя не отвечаю! – цедит так, что на лице ходят желваки. Таким никогда его не видела. Но сейчас несёт. Чувство опасности полностью исчезает. На место ему приходит желание восстановить справедливость. Но, кажется, это не мой случай.

– Иначе что? Ударишь? – спрашиваю дрожащим голосом, чувствуя, как на локте пальцы мужа сжимаются ещё сильнее.

– Не говори ерунды! Когда я тебя бил? Никакого развода! Ты меня поняла? – спрашивает, а я, наконец, понимаю, что ещё оно от меня слово и он не сдержится. Не знаю, что последует, но не хочу проверять. Трясёт. От ужаса. Оттого что Николай ведёт себя подобным образом. Еле стою на ногах. Хочу уйти.

– Отпусти, – произношу без особых эмоций. Хотя от их избытка уже качает.

Подчиняется. Смотрит жёстко, но разжимает пальцы и отпускает. Делаю шаг. Ещё. Но уже у дверей гостиной меня настигает голос мужа:

– Впредь думай, что говоришь. Не позорь меня своими выходками. И улыбайся. Чтоб я этой постной мины больше не видел!

Переступаю порог, не чувствуя себя. Голова кружится. Закрываю дверь беззвучно и прислоняюсь к ней плечом. По телу в очередной раз за вечер прокатывается дрожь. Не помню, как добираюсь до дивана и падаю на него. Сил нет даже на то, чтобы найти постельное бельё и постелить себе. Не до этого. Просто отключаюсь. И надеюсь, что всё происходящее привиделось. Хоть бы…

Просыпаюсь посреди ночи от давящего чувства. Распахиваю глаза и с облегчением выдыхаю. Это был всего лишь сон. Всего лишь кошмар, навеянный по жуткому недоразумению. Муж не собирается уходить от меня к бывшей однокласснице. Это ведь даже звучит глупо. Для чего ему менять меня на ровесницу? Коля мог найти кого-то моложе…

Только сообразив, что я нахожусь в гостевой комнате, понимаю, что всё произошедшее не сон. Он и правда смог так со мной поступить.

Теперь понятно, для чего нам нужен был такой просторный дом. Муж говорил, что не хочет жить в бетонной клетке. Но на самом деле он мечтал, что когда-нибудь здесь поселится другая женщина. Та, что согласиться родить ему сына.

А как давно мне было отведено место няни?

До утра не могу сомкнуть глаз. Лежу, уставившись в стену, и думаю о том, как стану жить дальше. Муж прав, мне некуда идти. В квартире родителей живёт овдовевший отец, который точно не обрадуется появлению иждивенки. Даже если я пообещаю в ближайшее время найти работу, он меня и на порог не пустит. К тому же я давно прописана в этом доме.

Тяжело вздыхаю, подавив судорожный всхлип, и переворачиваюсь на другой бок. В голове бьётся только один вопрос: как я могла так долго ничего не замечать? Становиться настолько тошно от самой себя, что даже боль уходит на второй план. Но лишь на мгновение. Чтобы уже через секунду вернуться с первым сделанным вдохом.

Едва светает, я обречённо поднимаюсь с постели и иду в душ. Тру мочалкой каждый сантиметр тела, чтобы отмыться от всей этой грязи. Но в итоге не справляюсь с эмоциями и медленно опускаюсь на кафель. Лежу, свернувшись калачиком, баюкая свою боль. Но она не отступает. Сильнее сжимает горло. Мешает дышать. Заставляет сердце биться с удвоенной силой. Перед глазами сначала всё плывёт, а потом наступает темнота…

В себя прихожу уже на постели. Причём не в гостевой комнате, а в той, что мы много лет делили с Николаем. Медленно осматриваюсь и замечаю, как муж общается у дверей с нашим семейным доктором. Они о чём-то шепчутся. Но я никак не могу разобрать слов.

– Ты меня напугала, – сообщает Николай, закрывая за доктором дверь спальни. – Не думал, что все эти новости, так на тебя повлияют. Казалось, мы вчера разобрались со всем.

Я прикрываю глаза, пытаясь притвориться, что собираюсь поспать. Не хочу ни видеть, ни слышать этого предателя. Он действительно не понимает, что чуть не убил меня? Считает свой поступок детской шалостью? А что бы он сказал нашим детям, если бы я всё же… Если бы я всё же не очнулась?

– Молчишь? – ровно произносит и присаживается рядом со мной. – Даже странно, ведь вчера ты была довольно разговорчива. Иногда мне кажется, что ты давно живёшь на автомате. Выдавливаешь фальшивые улыбки, киваешь на каждую просьбу… Впрочем, неважно. Тебе нельзя нервничать.

От его последней фразы испуганно распахиваю глаза. Только не это! Так не должно произойти! Нельзя нервничать? Это значит что…

– Ты побледнела, – констатирует муж, не давая мне додумать. – Доктор сказал: давление поднялось. Тебе нужно пройти обследование. Выпишут тебе таблетки и станешь как новенькая. Но сейчас нервничать нельзя, – говорит после всего, что было вчера. Будто не понимает, насколько мне вчера было плохо.

Хочу спросить, почему меня не забрали в больницу. Но только сильнее сжимаю челюсти. Если я сейчас начну разговаривать, то расплачусь. А я не хочу показывать ему свою слабость.

Но только поздно. К горлу подпирает ком. Попытавшись спрятать слёзы, зажмуриваюсь, но делаю только хуже. Чувствую, как щёки становятся мокрыми.

– Ладно. Пойду, – сразу же решает сбежать. Конечно, ему никогда не нравились женские слёзы. Он их терпеть не может. Вот и сейчас спешно покидает спальню. – Отдыхай, – бросает уже на пороге, не глядя на меня.

Минут десять я пытаюсь прийти в себя. Потом тянусь к пульту от телевизора, но тут же откладываю его в сторону. Осторожно поднимаюсь и понимаю, что подушка промокла насквозь. Сначала вскакиваю с желанием убрать её. Но потом вспоминаю, что это уже не моя комната, и просто отшвыриваю её в сторону, прежде чем сесть.

Убедившись, что не испытываю головокружения, встаю и покидаю спальню. Едва оказываюсь в коридоре, слышу приглушённый голос мужа.

– Нет, доктор сказал ничего серьёзного, – отчитывается перед кем-то Николай. Сжимаю кулаки от бессильной ярости. Это наверняка Олеся. Конечно, ведь на сегодня намечен ужин с ней. – Ну какая симуляция? Твоя мама не такая. Я в это никогда не поверю.

Нет, это не Олеся. Это одна из моих дочерей…

Поднимаю ладонь и прижимаю её к губам, прежде чем успеваю издать судорожный вздох.

Этого не может быть! Это всё неправда! Мои девочки… Они не такие! Они не могут быть заодно с этим предателем. Я ведь жила ради них! Делала всё, чтобы они выросли достойными людьми. И мне казалось, что у меня всё получилось. Но выходит, я ошибалась. Одна из моих дочерей оказалась равнодушна к моему горю. Она всё знала и даже не подумала меня предупредить…

И теперь, судя по тому, что мне удалось услышать, она считает, что я изобразила обморок, чтобы добиться своего? Но чего именно? Я не хочу возвращать этого предателя! Он мне не нужен! Единственное, о чём я мечтаю – это сбежать и забыть о нём…

– Нет, милая, пока не нужно приезжать, – попросил Николай. – Потом. Я позвоню, когда всё устаканится. Я не могу привезти Олесю прямо сейчас. Твоей маме нельзя нервничать. Это может её убить… Ну что ты такое говоришь?

Тихо отступаю назад, едва сдерживая рыдания. Больше нет сил слушать этот разговор. Считала, что больнее уже быть не может. Ошиблась. Оказывается, может. Чувствую, что каждая клеточка тела готова взорваться от нестерпимого жжения. В глазах снова темнеет. Но я сжимаю руки в кулаки и начинаю глубоко дышать, опустив голову. Паника отступает. Я снова могу двигаться.

Завожу руку за спину и нащупываю дверную ручку, после чего быстро скрываюсь в супружеской спальне. Похоже, пока лучше пересидеть здесь. Точнее, переждать, пока муж закончит этот разговор.

Шагаю к окну и резко отдёрнув штору, распахиваю створки. Свежий воздух мгновенно врывается в комнату, слегка затронув влажные волосы. Дышу. Глубоко. Со вкусом. Пытаюсь

как можно сильнее насытить тело кислородом. Это помогает отвлечься. Настолько, что я не замечаю возвращения Николая.

– Ты в своём уме? – злится он, рывком убирая меня от окна. – Решила заболеть?

– Я хочу подышать, – удостаиваю его короткого взгляда.

– Не совершай глупостей! И не веди себя как ребёнок, чтобы привлечь моё внимание.

Дёргаюсь и чувствую, как скрипят зубы. Хочу влепить ему пощёчину, но сдерживаюсь. Он даже этого недостоин. Боль наконец-то уходит. Её вытесняет ярость. Злость, от которой хочется повести себя словно истеричка. Вцепиться в волосы Николая и хорошенько его отпинать.

Продолжая дышать. На десятом вдохе становится легче.

– Да кому ты нужен теперь? – спрашиваю еле слышно. – Я не Олеся, за чужими мужиками не бегаю.

– Я всё ещё твой муж, – напоминает он. Сверлит ледяным взглядом. Сжимая челюсти.

Злится. И это хорошо. Пусть ему тоже будет неспокойно.

– Я постараюсь это исправить, – произношу дерзко. Вздёргиваю подбородок. Не свожу с него глаз. Прищуривается, но сдерживает себя. Не нравится? То-то же!

– Отдыхай, – небрежно бросает он и уходит.

Как только закрывается дверь, опускаюсь на постель и подтягиваю к себе намокшую подушку. Прижимаю её к груди, чтобы стало легче. Но ничего не выходит. Злость потихоньку отпускает, и боль возвращается. Только не это…

Снова бросаюсь к окну. Но на этот раз свежий воздух не помогает. Мгновенно замерзаю и захлопываю створки. Да чтоб тебя! Зачем ты вообще появился в моей жизни? Жила бы себе одна и ни о чём не беспокоилась. Я ведь ради него всем пожертвовала.

У меня могла быть прекрасная работа. Насыщенная жизнь. А он просто растоптал меня. Сначала сам сделал беспомощной. А потом ещё и ткнул в это носом. А ведь я столько слышала о подобных случаях. Но считала, что со мной такого никогда не случится. У нас ведь с Николаем любовь! Столько лет бок о бок… Двадцать лет…

Поверить не могу. Что после всего, что мы прошли, он так со мной поступил.

Нет. Он не негодяй. И не предатель. Он чудовище!

Он тот, кто смог растоптать мою душу. Как можно поступить так с тем, кто тебя любит? А ведь считается, что мужчина раскрывается во время декрета. Когда женщина наиболее уязвима и зависима… Мы пережили два моих декрета. И каждый прошёл просто великолепно. Да, муж не вскакивал среди ночи, чтобы покормить и покачать дочерей. Но к моим услугам всегда была няня. Николай же всё время твердил о том, что он станет укачивать своего сына. А с девочками лучше возиться матери.

В начале нашей совместной жизни он был одержим наследником. Но сначала родилась Катя, а потом Маша… И я поняла, что устала от такой жизни. Я хотела снова вернуться к работе. Начать строить карьеру. Именно поэтому отказалась рожать третьего ребёнка. Но когда младшей дочке исполнилось три года, муж заявил, что на работу я больше не выйду. Теперь вся моя жизнь будет подчинена ему и детям. А я всё равно не согласилась заводить третьего ребёнка. Из-за обиды на супруга. Он единолично решил, какой должна быть моя дальнейшая судьба. Он сначала отобрал у меня всё и посадил дома, обещая любовь до гроба. А потом предал.

Но не только он. С ним заодно как минимум одна из наших дочерей. Я не хочу выяснять, кто именно. Но должна. Должна, потому что обязана быть вооружена. Ещё одного предательства я не выдержу…

Осмотревшись, замечаю свой телефон на тумбочке у кровати и тут же хватаю его. Открываю телефонный справочник и набираю номер младшей дочери.

Глава 3

Наши с Николаем дочери всегда были очень разными. Старшая – спокойная и рассудительная. Всегда хорошо училась и беспрекословно слушалась.

Младшая – бунтарка и задира. Мне стольких сил стоило, направить её на путь истинный. Но даже сейчас, уже будучи взрослой, Маша продолжает вести со мной одностороннюю борьбу. Именно поэтому я сразу подумала, что именно младшая может быть в курсе тайн любимого папочки.

Меньше всего мне сейчас хотелось проводить какие-то расследования. Но только так я могла отвлечься. Мамы уже давно не стало. А отцу никогда не была интересна моя жизнь. Да и вообще в такой ситуации женщину может понять только другая женщина. А мне даже обратиться не к кому. Ни подруг, ни близких родственниц у меня нет. Да, узнать правду страшно. Но жить в неведении ещё страшнее.

– Да, мам, – недовольно отвечает Маша. – Что-то срочное? Мне сейчас некогда.

– Я не займу много времени, – выдыхаю с трудом.

– Что с голосом? – дочь меняет тон на более мягкий. Слышно, что искренне беспокоится.

– Всё нормально, – вру не особо хорошо. Поэтому она ещё сильнее напрягается.

– Что-то с дедушкой? Или с папой?

– С папой, – выдыхаю.

– Он жив?

– Он нашёл другую, – выдавливаю и замираю, сжимая в ладони телефон.

– Он сделал, что? – переспрашивает. В голосе не наигранное возмущение. – Это шутка? Мам?

– Не шутка.

– Значит, он завёл любовницу, – шепчет потрясённо. – А как ты узнала?

– Он сам сказал, – признаюсь с трудом.

– Зачем? Погоди. Он к ней уйти хочет?

– Хуже, – шепчу, задыхаясь от слёз. – Он хочет перевезти её в наш дом.

Маша громко ругается, убрав телефон от губ. Я вздрагиваю. Понятия не имела, что она знает такие слова. Но это поднимает мне настроение. Губы растягиваются в благодарной улыбке. Моя девочка не врёт. Она не знала, что творит её отец.

– Я сейчас соберусь и приеду, – обещает она стальным голосом.

– Не нужно, – прошу я. – Не сейчас. У меня к тебе просьба.

– Какая?

– Похоже,твоя сестра обо всём в курсе, – сообщаю, зажмуриваясь. – Мне кажется, я сегодня слышала их разговор…

– Я её убью, – цедит Маша.

– Не нужно, – отвечаю тихо. – Просто делай вид, что ты не в курсе. Я не хочу вас в это втягивать.

– Мы уже втянуты, – рычит Маша. – Ты наша мама…

Отключается. Телефон молчит. А я продолжаю прижимать его к уху. Словно желаю услышать что-то ещё…

Стук в дверь. Вздрагиваю и отбрасываю сотовый. Дверь тут же распахивается, на пороге стоит Николай. Оценивающий взгляд. Ни тени улыбки. Напоминает сытого хищника, наблюдающего за жертвой.

Становится не по себе. Передёргиваю плечами и опускаю взгляд.

– Идём, – бросает коротко. – Я заказал еду.

Вскидываю взгляд. Он серьёзно? Понял, что я не смогу приготовить ужин и решил организовать доставку? А сейчас попросит меня заняться сервировкой? Точнее, заставит…

– Не рано ли? – придаю голосу безразличие. – До ужина всё стынет.

– Ужин отменяется, – отвечает, не отводя взгляда. – Это обед. Тебе нужно поесть.

Какой заботливый. Хочу съязвить, но сдерживаюсь. Не стоит сейчас накалять конфликт. Мне и так плохо. Скандал ничего не решит. Только до больницы меня доведёт.

Киваю и медленно поднимаюсь. На пороге оборачиваюсь, словно прощаюсь с этой комнатой. Больше я сюда не вернусь. Только если по принуждению. Но Коле нет смысла меня заставлять. У него есть с кем разделить эту постель.

В горле снова возникает ком. Но я сдерживаюсь. В очередной раз… Нужно было в театральный поступать. Всего второй день, а я уже научилась держать лицо. Настоящая актриса.

Всю уверенность сносит, как только мы спускаемся в столовую на первом этаже. Я понятия не имею, как себя вести. Присаживаюсь на край стула и опускаю взгляд. Я не знаю, что говорить. Любезничать? Общаться вежливо? Нагрубить? Закатить скандал? Было бы хорошо побить посуду. Возможно, бы меня немного отпустило.

Я впервые в такой ситуации. Нормальная семейная пара уже обсуждала бы развод. Но не мы. Коля не хочет разводиться, а моё мнение никого не интересует. Какое-то сумасшествие…

– Заказал для тебя лазанью и салат, – сообщает будничным тоном и ставит рядом со мной несколько коробочек. – Правильно? Ты ведь любишь лазанью?

– Люблю, – шепчу. Пальцы не гнутся, но я пытаюсь вскрыть коробочку с салатом.

Кого вообще волнует, что я люблю? Мои чувства сыграли роль ахиллесовой пяты. Было бы смешно, если бы не было так больно.

– Я не хотел, чтобы всё вот так обернулось, – садится напротив, и смотрит на меня. – Считал, что ты всё это воспримешь легче. Раньше ты не позволяла себе подобных “концертов”.

Цепенею. Его слова звучат будто издевательство. Как вообще можно спокойно отреагировать на такое? Да другая на моём месте уже всё прееколошматила бы в квартире. Удивительно, как я вовсе держу себя в руках. Вчерашний кратковременный взрыв не в счёт!

– Почему? – холодный тон. Это всё, на что меня хватает. Держусь, лишь потому, что чувствую себя отвратительно.

– Мне казалось, что тебе давно всё надоело, – пожимает плечами и открывает коробочку с лапшой и курицей. – Считал, что ты обрадуешься.

В изумлении поднимаю взгляд на мужа. Он издевается? Обрадуюсь? Измене? Николай всегда был умным, но сейчас… сейчас, мне кажется, что мы из разных миров. Что он резко сошёл с ума, раз говорит такие вещи.

– Серьёзно? – отставляю в сторону салат, а у самой дрожат руки. Плевать, даже если муж заметит это. – Ты так хотел разнообразить нашу личную жизнь?

Что я несу? Кажется, будто и сама не соображаю. Кто вообще таким способом прогоняет скуку? Изменой?

– Нет, – трёт пальцами переносицу. – Я думал, что ты живёшь со мной на автомате. Казалось, что ты давно меня разлюбила.

Не понимаю, как у него вообще язык поворачивается заявить такое. Но даже если так ему показалось, нельзя было поговорить?

– Ты ошибся, – беру в руки вилку, сильно стискивая пальцами. С трудом подавляю желание позволить сказать себе лишнее. Всё происходящее кажется бредом. – Не разлюбила. В отличие от тебя! – упрекаю. Не могу иначе. Сама не знаю, чего хочу добиться этим. Опровержения? Всё ещё как дура надеюсь на что-то?

– Я не… – заикается.

Вскидываю взгляд и смотрю в его растерянное лицо.

– Ты не?.. – не понимаю, что происходит. Вчера вёл себя совершенно не так. Жалеет? Ну конечно. Мне же нельзя нервничать.

– Неважно, – отбрасывает приборы и резко встаёт, а я чувствую, как сердце вновь болезненно сжимается. Он даже не собирается мне ничего объяснять. Зачем, если и так всё понятно…

Повинуясь внезапному порыву, вскакиваю следом. Но тут же беру себя в руки и опускаюсь на стул.

Я что, действительно собиралась бежать за ним вслед? Да что со мной такое? Неужели Николай прав, и я реально живу на автомате? Какой кошмар… Нужно срочно менять привычки. Я бы сказала немедленно!

Потерев рукой лоб, замечаю в ладони вилку и решаю вернуться к салату. Любовь приходит и уходит, а умирать от голода я точно не планирую. Да и от разбитого сердца мне тоже перехотелось страдать. Пока что от меня ничего не зависит. Но это ненадолго. Я обязательно сумею справиться со всеми этими эмоциями.

Сама не замечаю, как съедаю весь салат, а потом подтягиваю к себе коробочку с лазаньей. Снимаю крышку и смотрю на сырную корочку. Морщусь. Обычно я даю ей подзолотиться. А здесь блюдо вынули, едва сыр подтаял. Ну ничего. Всё равно я не чувствую вкуса еды.

После обеда выкидываю опустевшие коробки в урну и бросаю приборы в раковину. Сейчас у меня нет никакого желания мыть посуду. Я ведь должна себя беречь? Вот и буду! К чёрту весь этот дом. Пусть хоть зарастёт плесенью, я больше не стану изображать из себя прилежную горничную.

Делаю глубокий вдох и покидаю столовую. Хочу поскорее добраться до гостевой комнаты и поспать. Похоже, я истратила все силы на то, чтобы притворяться равнодушной. В кармане вибрирует телефон, и я, толком не взглянув на экран, принимаю звонок.

– Привет, мам, – слышу голос старшей дочери. – Как дела?

– Всё хорошо, – отвечаю бодро. Даже удаётся выдавить улыбку, несмотря на то, что на душе гадко. – Вот пообедали с твоим папой. А у тебя как дела?

– Нормально, – немного растерянно произносит дочь. – Уже решила, что будешь готовить на ужин?

– На ужин? – делаю удивлённый голос. – Нет. Даже не думала. Позвоню потом в доставку. Не хочу сегодня готовить.

– Понятно, – тянет она в ответ. – А как там папа?

– Нормально, – снова повторяю заезженно. – Ты что-то хотела?

– Да, – отвечает торопливо. Будто пытается что-то скрыть. – Можешь кинуть денег?

– Это не ко мне, – напоминаю равнодушно. – Спроси у отца.

Катя тут же сбрасывает вызов. А я облокачиваюсь спиной о ближайшую стену и прикрываю глаза. За что она так со мной? Она ведь хотела, чтобы я начала рыдать. Чтобы выдала ей всю правду. Пожаловалась, как погано сейчас у меня на душе. А она бы позлорадствовала? Или что?

Да за что мне всё это? Что плохого я сделала Кате? Когда успела насолить? Одна мысль о предательстве дочери вызывает слёзы, но я сдерживаюсь. Не сейчас. Нельзя. Иначе не остановлюсь.

– Марин, ты в порядке? – слышу напряжённый голос мужа и распахиваю глаза. Смотрит. Будто бы обеспокоен. Но не верю. Больше не верю ему.

– Да, – резко отталкиваюсь от стены и хочу пройти мимо.

– Что случилось? Кто тебе звонил? – кивает на телефон в моей руке.

– Катя, – отвечаю с вызовом и смотрю прямо в глаза. – Интересовалась, что я приготовлю на ужин.

Его лицо каменеет. И только глаза выдают ярость. Он взбешён, но старается не показывать этого.

– Она знает, – не спрашиваю. Утверждаю.

– Нет, – врёт он. Для чего? Не хочет впутывать в ситуацию наших детей? А разве он этого уже не сделал?

Не скрываю горькой усмешки.

– Я сразу поняла, что она в курсе, – бросаю наигранно равнодушно. Но душу рвёт на клочья предательство. Теперь не только Николая, но и дочери. – Но меня не это поразило. Она явно расстроилась, что ужин не состоится. Почему? Почему ей хочется, чтобы я страдала? – голос срывается. Но быстро беру себя в руки.

– Не говори глупостей, – закатывает глаза, но взгляд отводит. – Тебе просто показалось.

– Что именно? – уточняю, скрестив руки на груди. – Что она в курсе твоих похождений?

– Ладно, – кивает он. – Она знает. Узнала случайно. Но это не значит, что ей всё это нравится. Она беспокоится о тебе.

Вижу, что не врёт. Говорит искренне. Настолько, что можно принять за истину. Но я ведь слышала, как Катя убеждала его в том, что я симулировала обморок. Любящая дочь точно такого не скажет. Значит, Николай, так же как и я, совсем не знает наших детей.

– Думай, как хочешь, – вздыхаю и пытаюсь его обойти.

– Марин, ты ведёшь себя как сумасшедшая, – замечает он, удерживая меня на месте. – Ты обвиняешь наших детей?

– Я не виню наших детей, – цежу сквозь зубы. – Я хочу разобраться, почему моя дочь рада тому, что моя жизнь разрушена.

– С твоей жизнью всё в порядке! – заявляет. Вижу, хочет сказать что-то ещё, но молчит. Жалеет. Заметно по взгляду. Да только сказал уже достаточно.

Он сейчас серьёзно? Всё в порядке? А то, что он разбил мне сердце и наплевал в душу – это так, пустяки? Даже спустя полгода отношений измена причиняет сильную боль. Что ж говорить о двадцати годах? Да я описать не могу те чувства, что рвут меня на части!

С трудом сдерживаюсь, чтобы не закричать. Просто смотрю на него, как на монстра, и он тут же отступает, давая мне возможность уйти.

Мгновенно бросаюсь прочь. Больше нет никаких сил продолжать весь этот разговор. Вокруг одни предатели. Те, кто не помнит всего, чем мне пришлось пожертвовать ради их благополучия. И за то, что со мной поступили так подло – меня же обвиняют в сумасшествии! Да я действительно не в своём уме, раз всё это время не замечала того, что происходит вокруг меня!

Дура! Какая же я дура!

Нет. Я не позволю им так со мной поступить. Я сильнее, чем они думают! И ладно муж! Такое ещё можно принять. Но родная дочь? Я ведь была с ней каждую минуту с самого рождения. Как она может быть такой чёрствой?

Ничего. Я всё выясню. Возможно, это просто влияние её отца.

Одно теперь я знаю наверняка: раз муж не даёт мне развод, я сделаю всё, чтобы его любовница не появилась в этом доме!

Кажется, что день не может стать хуже. Но я ошибаюсь. Едва успеваю дойти до дверей гостевой комнаты, как телефон снова оживает. На этот раз веду себя не настолько безрассудно и сначала смотрю на экран. Но легче не становится. Звонит отец. А значит, ему снова от меня что-то нужно.

Отвечать совершенно не хочется. Но я понимаю, что так просто он не отстанет.

– Привет, – прикладываю телефон к уху и пытаюсь придать голосу беспечность. – Что-то случилось?

– Да, – недовольно выдаёт отец. – Не знаю, что там у вас происходит, но скажи своей Машке, чтобы она не смела появляться в моей квартире! Я не хочу никаких гостей.

– А ведь она твоя внучка, – замечаю с усмешкой.

Отцу ещё нет и семидесяти, но ведёт он себя так, словно живёт уже пару веков. Мы все ему постоянно мешаем. И даже несмотря на то, что навещаем мы его очень редко, он всегда найдёт повод поворчать. Но я понятия не имела, что моя младшая дочь собиралась к нему заехать. Похоже, это всё из-за меня. После всего, что она сегодня узнала, ей пришла в голову гениальная идея, как обойти мой приказ не ввязываться во всё это. Мария решила вернуться в наш город и поселиться в квартире деда.

Только вот старому ворчуну давно наплевать на всех, кроме себя. Он смертельно обижен и на меня, и на моих дочерей. А всё потому, что моя мама в своё время посадила себе на шею здорового мужика. Сдувала с него пылинки и не позволяла делать по дому даже элементарную работу. Она всегда учила меня быть хорошей хозяйкой, и я с лёгкостью переняла её образ жизни. А потом стала так же воспитывать своих дочерей. Ведь как бы ни менялся мир, одно остаётся неизменным – если мужчина пришёл на работу в несвежей рубашке, винить в этом станут его жену, а не его самого.

И никого не волнует, что ты работаешь наравне с супругом. Женщина всегда должна быть лучшей во всём. Хорошей хозяйкой, матерью, женой, дочерью… Продолжать можно до бесконечности. Женщины по факту рождения кому-то должны. И только Маша вечно оспаривала все эти истины. Считала, что сможет сломать систему.

– Это всё, что ты можешь сказать? – ворчит он. – Когда мне нужна была помощь, вы не спешили приезжать. А как я стал самостоятельным, так решили превратить мой дом в проходной двор?

Вот ещё одна причина, по которой мне не стоит даже просить отца меня приютить. Он станет вспоминать, как после смерти мамы начал требовать, чтобы я или одна из моих дочерей стала исполнять роль его личной няньки. Одной из нас предстояло начать стирать, убирать, готовить и собирать по всей квартире его носки. А когда я отказала, отец записал всю мою семью в личные враги.

– Это всё, что я хочу тебе сказать, – говорю твёрдо, чувствуя, как напрягаются челюсти. – Сейчас ты не хочешь видеть Машу, а завтра, когда тебе станет плохо, будешь требовать, чтобы она приехала и позаботилась о тебе.

– Потому что это ваша обязанность! – срывается на крик. – Вы и нужны, чтобы заботиться от других. Большего от вас и не требуется. Тем более что ни ты, ни твоя мать даже на самое элементарное оказались неспособны…

– Это о чём ты? – уточняю без особого интереса.

– Мать твоя только тебя смогла родить, – отвечает без промедления. – Хорошо хоть одну! Двоих таких я бы вряд ли выдержал. Ну а ты вообще отличилась…

– Да иди ты, – рычу раздражённо и сбрасываю звонок.

Открываю меню и пишу Маше смску, чтобы она не вздумала ехать к деду, и нажимаю отправить. А потом просто отбрасываю в сторону телефон и ложусь на диван. Мне нужно немного полежать. Слабость просто дикая. Но спасибо любимому папочке хотя бы за то, что он снова сумел меня разозлить. Это состояние не позволяет моей боли вернуться.

Устраиваюсь поудобнее и прикрываю глаза, но именно в этот момент распахивается дверь и в комнату входит Николай.

– Да что ж такое, – закатываю глаза. – Мы с тобой до твоей измены никогда так часто не пересекались. А мне ведь казалось, что это действительно большой дом.

– Дом большой, – кивает, глядя на меня. – И места в нём хватит всем. В том числе и Олесе.

– Ну так веди сюда свою прошмандовку, – усмехаюсь, слегка морщась. – Мне кажется, уже настолько наплевать на то, что со мной будет дальше, что я без раздумий спущу её с лестницы…

– Ты в своём уме? – рычит он.

– А ты? – привстаю с дивана. – Ты считаешь, что я должна нормально реагировать на то, что ты творишь? – внутри всё клокочет от ярости. Кажется, что больше нет сил терпеть. Я устала. Настолько, что хочется уже отпустить эмоции. Сорваться.

Позволяю себе. Даю волю, ведь один вид мужа, один вид этого предателя выводит из себя. Без раздумий хватаю с полки ночник и с силой бросаю на пол. Он разлетается на мелкие части с громким звуком.

– Ты прав! Я не в своём уме! – рычу мужу в лицо, но в ответ вижу лишь спокойствие. Будто ничего странного не происходит. Он даже не раздражён. Словно даже не удивлён моим действиям. – Ты меня такой сделал! Ты!

– Не говори ерунды! Возьми себя в руки, в конце концов. Езжай в центр, купи себе какую-нибудь очередную сумку и успокойся уже. Ведёшь себя ненормально, – заявляет, протягивая кредитку, будто имеет какое-то право указывать мне сейчас. Его слова будто нож режут по живому. Заставляю незажившую рану кровоточить. Он словно не понимает, что его равнодушие бьёт по мне сильнее, чем слова.

Не выдерживаю. Бью его по руке, отчего карточку улетает куда-то под книжный стеллаж. Муж стискивает челюсти, но молчит и, больше не задерживаясь, уходит. Закрывает дверь в тот момент, когда в неё врезается книга, взятая мною со столика.

Она не помогает. Не помогает и второй светильник, часы, телевизор, до этого висевший на стене. Его срываю без раздумий, с грохотом кидая на пол. Рамки с семейными фотографиями бью с особым энтузиазмом. Они, как и моё сердце, разбиваются вдребезги.

В изнеможении и боли даже смахиваю все книги со стеллажа, статуэтки летят туда же. Скидываю на пол всё, до чего дотягиваются руки. Не жалею даже дорогие картины, срывая их со стен.

С особым наслаждением разрушаю всё, до чего дотягиваюсь.

Останавливаюсь лишь тогда, когда силы покидают. Руки невозможно поднять, ноги дрожат. Присаживают на единственный уцелевший диван, утыкаясь локтями в колени и роняя лицо в распахнутые ладони. Тяжело до такой степени, что плачу без всхлипов. Слёзы просто текут, беспрестанно. Хочу лишь спокойствия. Но его не добиться. Не здесь.

– Успокоилась? – раздаётся ровный голос от дверей. Злиться нет уже сил. Замираю, совершенно не реагируя. Даже разговаривать не могу. – Или и дальше будешь вести себя как двадцатилетняя истеричка?

Поднимаю голову и смотрю на Николая. Замечаю, насколько он раздражён и недоволен. Видно пытается скрыть это, но я слишком хорошо его знаю.

– Непонятно, что ты тут устроила! Это было всего один раз, Марина! Один! И после этого Олеся забеременела!

– Прям вот сразу? – не сдерживаясь, усмехаюсь и качаю головой. – Я думала, ты в подобных делах разбираешься.

– Я прекрасно понимаю, как это происходит, – отвечает ровно муж. Но раздражение слышится в каждом сказанном им слове – Не нужно считать меня идиотом! Она позвонила через два месяца, после того, как мы переспали.

– Тогда откуда ей известно, что у вас будет сын?

Глава 4

Когда мы с Колей познакомились, я считала, что совсем скоро весь мир будет у моих ног. Я была молодой и амбициозной. Родители имели средний достаток, поэтому я мечтала добиться невиданных высот и обеспечить себе достойное будущее.

Николай был под стать мне. В свои двадцать пять лет он уже понимал, чего хочет, и не собирался останавливаться на достигнутом. Он казался мне таким взрослым и таким самостоятельным. А потом всё завертелось, и я сама не поняла, как оказалась зависимой от своего мужа. У меня не было собственных денег или имущества. Конечно, мой супруг никогда не скупился и без разговоров выдавал мне любую сумму. Стоило только попросить. И, в какой-то момент я перестала, о чём-либо беспокоиться. Глубоко засела в зоне комфорта и стала думать, что так будет всегда.

И, в итоге, жизнь преподнесла мне огромный сюрприз. Только вот винить во всём этом я могла только саму себя. Не стоило мне слепо доверять даже собственному мужу. В этой жизни стоит надеяться только на себя…

– Ну что ты молчишь? – спрашиваю, вскидывая взгляд на мужа. – С чего ты взял, что любовница родит тебе сына?

– Марин, ты действительно хочешь об этом поговорить? – излишне мягко уточняет он. – Смотри, ты порезалась. Нужно обработать рану.

– Это царапина, – отмахиваюсь, едва мазнув взглядом по тонкой линии, на тыльной стороне ладони.

– Ты не можешь оставаться в этой комнате, – замечает он. – Может, вернёшься в спальню? – предлагает, но, кажется, что просто хочет избавиться от меня.

– Нет, – качаю головой, упрямо поджимая губы. – Поживу пока в спальне Маши. Вызови клининг, пусть они все здесь уберут.

– Вызову, – неожиданно не спорит он, пугая своей покладистостью. К чему эта забота? Ему же плевать на меня. – После того, как буду уверен в том, что тебе ничего не угрожает. Завтра же отправишься сдавать анализы. Все эти твои вспышки гнева, Марин, это ненормально.

– Это ненормально для робота, – возражаю, пожав плечами. – А я вроде бы всё ещё человек…

– Ты утром в обморок свалилась, а сейчас разгромила комнату, – замечает, поддёв ногой сломанную рамку. – Это точно ненормальное поведение. Я просто хочу, чтобы ты успокоилась.

– Спасибо, – тяну язвительно. – Мне стало намного легче.

– Рад, – кивает сдержанно. – Точно не хочешь, чтобы я проводил тебя в спальню?

– Сама найду дорогу, – тяжело вздыхаю и поднимаюсь с дивана.

Осматриваюсь. Обычно беспорядок меня очень сильно напрягает, но сейчас я чувствую себя превосходно. На душе стало намного легче. Мысли прояснились, и я вдруг поняла, что именно этого мне и не хватало. Столько лет я контролировала свои эмоции, и теперь мне наконец-то удалось выплеснуть весь негатив. И я совершенно точно не испытывала никакой вины по поводу того, что разгромила гостевую комнату. Здесь давно пора было сделать ремонт.

Но и это больше не мои проблемы. Теперь с этим предстоит разбираться моему мужу. Это ведь его дом. Да, он куплен в браке и является совместно нажитым имуществом. Но вряд ли мне удастся хоть что-то отсудить. У Николая полно доказательств того, что все эти годы я сидела на его шее. Конечно, я заботилась о нём, о детях и о доме. Но ведь жёнам за такое не принято платить? Кстати, очень удобно. Что уж тут сказать. Женился и тут же получил бесплатную прислугу.

Я не знала, что бесило меня больше. Поступок Николая или то, что я сама позволила такое отношение к себе? Почему я не боролась за свою жизнь? Почему послушалась мужа и не стала выходить на работу? Да потому, что я сама считала, что так будет лучше. Да, это было неочевидное моё желание. Но если бы я была очень против, то настояла бы на своём.

– Утром зайду, – бросает Николай мне в спину.

– Зачем? – оборачиваюсь и удивлённо смотрю на него.

– Отвезу тебя в больницу, – отвечает он. – Я ведь говорил, что семейный доктор сказал, чтобы ты сдала какие-то там анализы, – машет рукой, словно всё это совсем неважно.

– Сдам, – киваю недовольно. – Не нужно меня отвозить. Я возьму машину.

– И как ты поедешь в таком состоянии? – криво усмехается муж.

– Да какая тебе разница? – произношу с явным раздражением. – Просто оставь меня в покое! Хватит вести себя как заботливый муж! Хватит, Коля! Я никуда с тобой не поеду! Ты изменил мне! Предал! Уничтожил! А теперь беспокоишься о моём здоровье? Да как у тебя язык поворачивается! Как ты вообще смеешь?

– Ты невыносима, – цедит, стискивая челюсть до такой степени, что я замечаю это. – Разбирайся сама! Не хочешь, чтобы я переживал о тебе, хорошо!

– Ненадолго хватило твоей заботы, – не сдерживаюсь и усмехаюсь, чувствуя, как пальцы сжимаются в кулаки. – Но оно и к лучшему. Мне надоело твоё притворство, – произношу нарочито равнодушно, но внутри бушует ураган. – И я понимаю твоё желание всё свалить на меня. Так ведь легче? Правда? – в голосе проскальзывает обида, но это и не удивительно. Эмоции на пределе.

– Марин, я всегда считал тебя здравомыслящей женщиной, – говорит он, не глядя на меня. – Но я, похоже, ошибся.

– Прости, – выдавливаю язвительную улыбку. – Но ты успел меня разочаровать первым. Так что, теперь мне всё равно, что ты обо мне думаешь.

– Ну хотя бы честно, – цедит в ответ. – Поедешь в больницу. Проверь заодно и голову. Может тебе в санаторий какой-то отправиться? Говорят, помогает поправить мозги.

– Ну так тебе как раз туда и надо, – рычу и резко выскакиваю из комнаты.

Меня бесит, что в сложившейся ситуации муж пытается как-то поддеть меня. И намекает на то, что у меня проблемы с головой. Я ведь и сама себе ответить не могу, как держусь всё это время, но он решил всё это обесценить.

По мнению Николая, я веду себя недостойно. А я считаю, что заслуживаю похвалы за то, что не взяла что-то тяжёлое и не разбила ему лицо. А ведь могла. Да что там! Я бы с удовольствием это сделала. Потому что мне хочется, чтобы он почувствовал хоть крохотную часть той боли, что сейчас испытывала я.

Комната Маши находится в конце коридора. Толкаю дверь и вхожу. Становится немного легче. Снова накатывает усталость. День едва перевалил за середину, а я чувствую себя выжатой словно лимон. Мне просто нужно немного поспать. На другое меня сейчас всё равно не хватит.

Присаживаюсь на кровать и беру в руки плюшевого медведя, что стоит в изголовье. Игрушка кажется такой тёплой и родной, что я не сдерживаюсь и крепко прижимаю её к груди. Мне хочется, чтобы Маша приехала. Я бы смогла излить ей душу. Мне так нужно с кем-нибудь поговорить. Но я не могу впутывать во всё это свою дочь. Да, Коля поступил по-другому. Он для чего-то втянул в наши разборки Катю. Видимо, ему очень хотелось, чтобы кто-то из нашей семьи был на его стороне. От этого мне ещё сильнее хочется испортить ему жизнь.

Но что я могу? Обычная домохозяйка в подобной борьбе заведомо проиграет. У меня нет ни связей, ни денег на адвокатов. Похоже, Николай прав. Я ничего не могу сделать.

Устраиваюсь на кровати и прикрываю глаза. Мысли блуждают вокруг случившегося. Как же я могла быть настолько слепой? Смогу ли я когда-нибудь простить себе подобную беспечность.

Несмотря на мучительное ощущение тревоги, засыпаю. Но проспать до утра не удаётся. Посреди ночи подскакиваю как ошпаренная. Пару минут пытаюсь прийти в себя, вспоминая события двух последних дней. Лучше бы я этого не делала.

Встаю и выхожу из комнаты. Хочется пить, поэтому просто иду на кухню, где натыкаюсь на мужа. Николай сидит за столом, перед остывшей кружкой чая и смотрит на свои руки, сцепленные в замок.

– Не спится? – уточняет он.

– Просто захотелось воды, – отвечаю, не глядя на него.

– Может, выпьешь со мной чаю? – по-простому предлагает он. А я только головой в ответ качаю. Этого ещё не хватало.

– Не хочу, – всё же подкрепляю свой ответ словами.

– Нам нужно поговорить, – пытается он меня остановить.

– Нужно, – соглашаюсь. – Но не сейчас. Мне сейчас трудно возвращаться к этому… К тому, что ты сделал.

– Не нужно перекладывать всю вину за случившееся на меня, – раздражённо просит он.

Вздрагиваю, как от пощёчины, и смотрю на мужа. Сердце снова болезненно сжимается, а во рту возникает чувство сухости. Подхожу к раковине и наливаю воду в стакан, после чего залпом его осушаю.

– Надеюсь, ты шутишь, – хриплю еле слышно. – Даже смешно…

– Смешно? – уточняет он. – Я так не думаю. Мне кажется, что ты не в полной мере понимаешь, что произошло.

– Ты мне изменил, – выдавливаю кривую улыбку и прижимаюсь поясницей к раковине. – Потом твоя любовница забеременела, и теперь ты хочешь жить с ней в нашем доме. Ещё ты хочешь, чтобы я стала нянькой для твоего внебрачного ребёнка. В свои сорок четыре я больше ни на что не способна. Ведь так?

– Вот! – муж вскакивает из-за стола, опрокидывая свою кружку.

Остывший чай расползается по столешнице и начинает стекать на пол, образовывая неровную лужу. Но в этот раз я даже не вздрагиваю. Не возникает никакого желания устранить весь этот беспорядок. Просто стою и смотрю, как с края падают тяжёлые капли…

– В этом тоже меня обвинишь? – произношу с трудом, едва сдерживаясь, чтобы не сорваться с места и не сбежать. Чувствую себя ужасно. Сердце заходится в бешеном ритме, а к горлу подступает тошнота.

– Хотелось бы, – цедит он, отряхивая промокший рукав. – Но не буду. Я просто хотел поговорить о нашем будущем.

– У нас нет будущего, – роняю, опустив взгляд.

– А я так не считаю, – отвечает недовольно. – Я не собираюсь с тобой разводиться. И никогда не собирался этого делать.

– У тебя будет ребёнок от другой женщины, – выдавливаю с трудом. – Или ты забыл?

– Не забыл, – морщится он и трёт пальцами переносицу. – Только я не думал, что ты так на это отреагируешь. Ты ведь сама говорила, что не прочь снова увидеть в этом доме младенца…

– Я говорила о внуках! – кричу так, что у самой уши закладывает. Отшвыриваю в стену стакан и даже не смотрю на то, как он разлетается на сотни осколков. – Я говорила о детях, которых родят наши дочери! Этих младенцев я хотела бы видеть в своём доме и в своей жизни! Но никак не тех, что появятся у тебя от твоих любовниц!

– Не ори! – бьёт кулаком по столу. – Ребёнок будет! Мой сын. Этого уже ничем не исправить. Ты хочешь просто сбежать от этого? Но не получится! Потому что это ничего не изменит!

– Я тебе всю свою жизнь отдала, – произношу с трудом, пытаясь обнять себя руками, чтобы согреться. – И теперь у меня нет ничего. А у тебя есть всё. И даже право на то, чтобы ломать меня как вздумается…

– Я не хочу тебя ломать! Я хочу, чтобы мы вместе прошли через это. И воспитывали этого ребёнка… Как своего.

Пару секунд смотрю на него широко раскрытыми глазами и пытаюсь понять, шутит он или говорит серьёзно.

– Ты в своём уме? – шепчу испуганно, прижимая ладонь к губам. – Что ты такое говоришь?

Снова накатывает паника. Становится трудно дышать, и я готова опять потерять сознание. Но я вцепляюсь, побелевшими от напряжения, пальцами в столешницу и удерживаю равновесие.

– Марин, Олеся она не такая, как ты, – глядя мне в глаза, произносит Николай. – Понимаешь?

– Не понимаю, – качаю головой и отступаю. – Коль, ты что такое говоришь?

– Это мой сын, – отвечает он, пытаясь поймать мою ладонь. – Марин, ты хотя бы послушай.

– Ты совсем с ума сошёл со своей идеей о сыне… Коль, ты рехнулся?

– Думай как хочешь, – соглашается он. – Но ты сама представь, какая это прекрасная возможность! Ты ведь не согласишься сейчас родить. А я так хочу сына. Всегда хотел. Но ведь тебя это не волновало…

– Серьёзно? – истерично усмехаюсь в ответ. – Ты сейчас всё это на полном серьёзе говоришь? У меня такое ощущение, что ты сошёл с ума. Или я сошла… Один из нас точно не в себе.

На какое-то мгновение показалось, что муж просто меня разыгрывает. Но заметив его взгляд, полный решимости, просто качаю головой и ухожу. Не вижу смысла продолжать этот разговор. И вообще, мечтаю о том, чтобы всё это оказалось сном. Дурным кошмаром…

Стараясь не вспоминать о том, что мне сказал Николай, возвращаюсь в комнату дочери и ложусь на кровать. Уснуть, конечно, не получается. Но я не сильно расстраиваюсь. Достаточно того, что я заставляю себя забыть про Олесю и всё, что с ней связано. Мне трудно верить в то, что мой муж причастен к тому, что моя жизнь рушится. Закрываю глаза и просто абстрагируюсь от ситуации. Вру сама себе, что ничего не происходит. Что всё это мне просто привиделось.

Утром встаю совершенно разбитой. Кое-как привожу себя в порядок и иду на кухню. Осколки от разбитого стакана исчезли. Либо Николай всё убрал, либо мне действительно что-то привиделось. Хотелось бы верить во второй вариант, но понимаю, что вряд ли мне может так повезти.

– Привет, – раздаётся за спиной голос Николая, и я вздрагиваю.

Оборачиваюсь и смотрю на него, слегка прищурив глаза. Не вижу на его лице ни грамма раскаяния. Меня это немного сбивает с толку, но всё же нахожу в себе силы и делаю вид, что ночью не было никакого разговора.

– Ты готова ехать к врачу? – буднично спрашивает он, застёгивая манжеты.

– Да, – киваю и отворачиваюсь, чтобы включить кофеварку.

– Тебе нельзя кофе, – тут же заявляет муж. – Сначала ты должна сдать анализы и убедиться в том, что у тебя нет проблем с давлением.

– Ты серьёзно? – фыркаю и закатываю глаза.

Навязчивая забота мужа начинает раздражать. Нет, я всё ещё люблю этого мужчину. И от этого мне только хуже. Не знаю, смогла бы я простить ему эту измену, если бы он попросил

забыть о случившемся. Раньше считала, что не смогу… Но сейчас. У нас за плечами двадцать лет брака. Через месяц Коле исполнится пятьдесят, а мне сорок пять. Стоит ли рубить сплеча?

Боже, о чём это я?.. Я должна хотеть уйти. Обязана ненавидеть этого предателя! Но бросив лишь один взгляд на мужа, понимаю, что не могу…

Тру ладонями лицо и пытаюсь немного привести себя в чувство. Если это вообще возможно в сложившейся ситуации.

– Я вчера записал тебя в частную клинику, – как ни в чём не бывало, продолжает муж, взглянув на часы. – В девять нужно быть на месте. Я тебя отвезу…

– Нет! – резко перебиваю. – Я сама. Не нужно меня отвозить.

Вижу, что ему не нравится мой настрой. Но он всё же примирительно поднимает руки и выходит из кухни. Я тут же запускаю кофеварку.

В душе радуюсь, что Николай больше не заводит разговоров про Олесю. Как бы я себя ни обманывала и не храбрилась, понимаю, что сейчас просто не в состоянии начинать жизнь сначала. Мне нужно прийти в себя и всё обдумать. То, что сделал мой муж, находится за гранью добра и зла. Он изменил мне и решил, что я стану воспитывать его ребёнка от другой женщины. А ведь это моя вина. Я разрешила так со мной обращаться. Почему-то у других женщин мужья не позволяют себе ничего подобного.

Вижу в окно, как Николай уезжает. Только после этого полностью расслабляюсь и присаживаюсь за стол. Теперь могу спокойно выпить кофе и привести мысли в порядок. Ехать никуда не хочется, но шутить со здоровьем я не привыкла. Несмотря на нежелание покидать дом, встаю и иду в нашу общую спальню, чтобы переодеться.

В частную клинику я вхожу за десять минут до назначенного мне времени. Прохожу в регистратуру, где получаю свою карточку и направление, а потом иду к нужному кабинету.

Вполуха слушаю, как терапевт убеждает меня, что со мной всё, на первый взгляд, в порядке. Давление в пределах нормы. Но мне настоятельно рекомендуют сдать анализы.

Я соглашаюсь, беру очередное направление и отправляюсь домой. Такси останавливается у ворот нашего дома. Я расплачиваюсь и быстро иду к входу. Внезапно ощущаю укол беспокойства и смотрю на дверь, которая приоткрывается от ветра.

Я помню, что закрывала её. А значит, у нас гости…

Глава 5

Ключи от нашего дома есть у всех членов семьи. У меня, у Николая и у обеих дочерей. Несмотря на более чем хороший достаток, у нас нет прислуги. Поэтому посторонний не мог открыть дверь. Я сама слежу за домом, раз в месяц вызываю клининг, а в остальном все заботы о порядке - моя ответственность. Иногда мы пользуемся доставкой еды. Но Коле больше нравится, чтобы я сама готовила.

Порой это меня раздражает. Потому что он всегда просит, чтобы для его гостей стол всегда накрывался моими руками. И я не отказывала. Да, на это уходило много сил и времени, но я старалась угодить мужу. Это ведь такая малость в сравнении с тем, что Николай делал для меня…

Так я думала.

А он этим пользовался… Так бессовестно. Так подло. Так… У меня просто слов нет. Сжимаю кулаки, впиваясь ногтями в ладони. На улице холодно, и мне лучше войти в дом. Но я не решаюсь. Боюсь увидеть там старшую дочь, у которой ко мне явно есть претензии. Сейчас я просто не смогу ей противостоять. Не хочу ввязываться в спор и доказывать свою точку зрения. К тому же Катя вряд ли станет сейчас меня слушать. Всё это разбивает мне сердце. Я ведь люблю своих детей и не хочу с ними никаких ссор. Но что я могу сделать? Мне ведь неизвестно, что ей наговорил муж… И он ли стал виной её неприязни ко мне?

Начинаю замерзать, но всё ещё топчусь на пороге. В итоге понимаю, что мне не избежать этой встречи, и вхожу в дом.

– Хоть бы это была Маша, – шепчу себе под нос, но едва вхожу в кухню, вижу старшую дочь.

Катя медленно скользит взглядом по моему лицу и выдавливает улыбку.

– Привет, мам.

– Привет, – киваю и кладу сумку на стул. – Ты почему без предупреждения. Что-то случилось?

– Мне нужно официальное разрешение, чтобы приехать домой? – улыбка дочери меркнет.

– Нет, – качаю головой. – Просто твой приезд стал неожиданностью. Ты одна? Антон не приехал?

Антон – парень нашей старшей дочери. Они встречаются уже полтора года и, как мне кажется, очень любят друг друга. Обычно они навещают нас только вместе, поэтому я немало удивлена, застав её в одиночестве.

– Мы расстались, – с наигранным равнодушием отвечает Катя и ставит на стол кружку со свежесваренным кофе. – Он повёл себя не очень красиво по отношению ко мне.

– Антон? – удивлённо шепчу в ответ присаживаясь. – Что он сделал? Он тебя обидел?

– Обидел, – Катя криво усмехается, покрутив кружку в руках. – Он вздумал вести себя со мной как козёл… Как потребитель. Он решил, что сейчас какое-то средневековье.

– Я не понимаю, – признаюсь растерянно. – О чём ты говоришь?

– По-моему, всё и так понятно, – кривится Катя и делает глоток кофе.

– Но я правда не понимаю, – отвечаю, внимательно глядя на дочь.

– Да? – удивлённо вскидывает она брови, в глазах разгорается недобрый огонь. – Очень странно. Мне казалось, что ты сразу поймёшь, о чём речь. У вас с Антоном очень совпадают взгляды на жизнь. Уверена, ты будешь на его стороне.

Сразу понимаю, что Катя хочет вывести меня на эмоции. Дочка настроилась на ссору и вряд ли отступит. А я понятия не имею, что именно ей от меня нужно. И сил это выяснять сейчас нет.

Кате уже двадцать, но она для меня всё ещё неразумное дитя. Сложно отпускать от себя детей, но я всё же смогла себя пересилить. И теперь я буду относиться к ней как взрослой. Я забеременела старшей дочерью до свадьбы. Но не это было причиной нашей женитьбы. Николай давно сделал мне предложение, и мы даже назначили день свадьбы. Но пришлось немного пересмотреть наши планы, когда тест показал две полоски.

Через год после Кати на свет появилась Маша. Мои девочки навсегда останутся для меня моими малышками. Но я не позволю им свалить на меня ответственность за принятые ими решения. Не я нашла для Кати Антона. И не я её обидела…

– Так, тебе явно нужно немного остыть, – твёрдо произношу я. – А я пойду отдохну.

– Сбегаешь? – хмыкает дочь. – Как по-взрослому.

– Катя, ты расстроена, – отвечаю я. – Но не нужно перекладывать на меня свои проблемы. Вы поссорились с Антоном. И, может, даже расстались. Это грустно. Но я тут точно ни при чём.

– А вот не нужно снимать с себя ответственность, – рычит Катя, но я уже направляюсь к выходу. – Стой, мама, я недоговорила!

Хватаю сумку и ухожу. Да, это моя дочь, и я должна быть к ней более внимательна. Но не сейчас. Она видит во мне врага. А я просто хочу отдохнуть. Эти два дня чуть меня не угробили. И я сейчас не хочу выслушивать голословные обвинения. Понимаю, что во всём этом кроется суть претензий дочери и её предательства. Но не могу заставить себя остаться и послушать, что хочет от меня Катя. Я слишком устала.

Всю жизнь я жила ради своей семьи. И сейчас хочу просто немного пожить для себя. Хотя бы полдня. А потом я обязательно со всем разберусь.

– Какая же ты эгоистка! – летит мне в спину очередной упрёк от дочери. – Мне плохо! А ты даже не можешь остаться и поговорить со мной.

Но даже это не заставляет меня остановиться. Мне ведь тоже сейчас плохо. И насколько я знаю, Кате об этом известно. Но вместо того, чтобы просто поговорить, она решает утопить меня в своих претензиях.

Нет, мне нельзя нервничать. И я не буду. Упрямо сжимаю губы, но на глаза наворачиваются слёзы. Когда же всё это закончится?

Раздаётся стук в дверь, и Катя тут же бросается открывать. Она ещё кого-то ждёт?

Замираю, глядя на дверь. Кажется, что как только дочь её откроет, я увижу Олесю. Но это всего лишь доставщик продуктов из сети супермаркетов. Катя забирает пакеты с продуктами и гордо проходит мимо меня, вздёрнув подбородок.

Хочу спросить, для чего она это всё заказала, ведь в холодильнике полно еды. Но просто машу на неё рукой и отправляюсь в комнату Маши. Мне и правда нужно отдохнуть. Чувствую себя какой-то разбитой. Наверное, авитаминоз или что-то вроде этого. Мне стоит побольше отдыхать и поменьше нервничать. Я понимаю, что сейчас дочери требуется моя помощь, но не могу заставить себя вернуться на кухню. Просто не могу…

Я всегда считала себя хорошей мамой. Только вот теперь эта уверенность схлынула, как морская волна во время отлива. Кажется, я всю жизнь провела в каком-то непонятном анабиозе. Делала всё ради детей. Ради мужа… И почему я не согласилась родить ещё одного ребёнка? Почему? Ведь если бы я уступила. Если бы поняла, насколько это важно для Николая, ничего этого бы не случилось. Муж бы был занят своим обожаемым наследником и не стал искать другую женщину. Или я ошибаюсь?

Да какая, собственно, разница? Я всё равно не могу повернуть время вспять и проверить свою теорию. Это невозможно… Но я почему-то чувствую некий укол сожаления о прошлом. Ну что мне стоило уступить мужу? Я ведь всё равно сидела дома. И у меня не было противо-

показаний к беременности. Да я и сама хотела ребёнка, но упёрлась из-за того, что муж начал наседать на меня. Просто из вредности настояла на своём.

Зачем? Ну вот такой я человек! Муж лишил меня работы, а я в отместку лишила его возможности получить сына. Это было подло. И вот теперь я расплачиваюсь за то, что совершила в прошлом.

Добравшись до комнаты младшей дочери, запираюсь изнутри и ложусь на кровать. Прижимаю к животу плюшевого медвежонка и мгновенно засыпаю с мечтами о том, что домой вернётся Маша. Моя девочка не даст меня в обиду. И когда я стала такой беспомощной? Но я и правда нуждаюсь хоть в чьей-то поддержке. И моя дочь точно сможет стать той, на кого я могу положиться.

Как же мы докатились до такого? Как позволили, чтобы наши дети во всё это ввязались? Мы с Колей настоящие эгоисты. Но как же мне плохо, когда все в этом доме против меня.

Просыпаюсь от лёгкого прикосновения к моему плечу. Резко вскакиваю и сонно смотрю на мужа, который сидит на краю кровати.

– Я же заперла дверь, – шепчу хрипло и кутаюсь в покрывало. – Как ты вошёл?

– У меня есть ключи от всех дверей, – просто отвечает он. – Там Катя приехала.

– Знаю, – киваю и пытаюсь сесть поудобнее. – Мы с ней уже разговаривали. Она обвинила меня в том, что я стала причиной их расставания с Антоном. Или не в этом…

– Ты сомневаешься, в чём она тебя обвинила? – уточняет муж.

– Ну да, – тяну неуверенно, обнимая себя за плечи. – Она сказала, что он её обидел. И что я была бы на его стороне. Вроде бы так…

– И ты не поговорила с ней? – спрашивает Николай, резко поднимаясь. – Не узнала, что случилось? Марин, да что ты за мать такая? Кате плохо! А ты просто убежала и легла спать!

– А мне не плохо? – кричу так, что муж делает шаг назад. – Мне сейчас не нужна поддержка? Я не человек? Я раб вашей семейки?

– Нашей семейки, – с кривой улыбкой поправляет он, но мне не смешно.

– Нет, вашей! Я для вас всегда была кем-то вроде прислуги, – горько усмехаюсь, потирая лицо ладонями. – Тебе и сейчас всё равно, что чувствую я.

– Но ведь она наша дочь, – отвечает Николай. – Неужели тебе её совсем не жаль.

– А ей меня? – вскидываю взгляд. – Я ведь сразу сказала, что она настроена против меня. Но ты начал убеждать меня в том, что я просто сошла с ума. Что я всё выдумываю! Что наговариваю на свою собственную дочь, чтобы привлечь твоё внимание!

– Не кричи! – Николай взбешённо смотрит на меня. На скулах вздуваются желваки. Но я больше на это не реагирую.

– Прибереги свои приказы для кого-то другого! – кричу в ответ, отбрасывая плед. – Мне плохо! Ты вынул моё сердце и растоптал его! Перекрутил мою душу на мясорубке, а потом засунул назад и требуешь, чтобы я вела себя, как прежде! Ты нормальный?

– Но она наша дочь…

– Она взрослая! – раздражённо напоминаю я. – Да, она рассталась с парнем! Но это несравнимо с тем, что испытываю сейчас я! Понимаешь? Мне больно! Мне плохо! Послезавтра мне нужно ехать в больницу и сдавать какие-то анализы! Но мне уже плевать на своё здоровье! Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое!

– Анализы? Что-то не так? – беспокоится муж.

– А тебе какая разница? – кричу в ответ и швыряю в него медвежонка. – Ты вдруг вспомнил, что я не робот? Что я не могу быть вечно весёлой и услужливой, когда вам это требуется? Дочь тебя волнует? Так иди и сам поговори с ней! Узнай, в чём она меня обвиняет! А от меня просто отстаньте!

– Марин, тебе явно нехорошо, – растерянно отвечает он. – Я думал, что приезд дочери тебя успокоит. Но ты ведёшь себя не так, как я рассчитывал.

– Так это ты её позвал? – уточняю растерянно.

– Нет, она сама захотела, – отвечает Николай. – Она беспокоилась о тебе.

– Ты бы ещё отца моего позвал, – бросаю раздражённо.

– Катя ему позвонила, – произносит он. – Андрей Владимирович приедет на ужин.

У меня просто заканчиваются слова. Смотрю на мужа и словно рыба хватаю ртом воздух, но не могу издать ни звука.

Да они все просто издеваются надо мной! Это какой-то театр абсурда. Вскакиваю с кровати и начинаю расхаживать по комнате, вцепившись пальцами в волосы.

– Марин, я понимаю, что у вас с отцом не особо хорошие отношения, – замечает муж, наблюдая за моими метаниями. – Но наша дочь соскучилась по деду. Что я должен был сделать? Запретить ей приглашать твоего отца?

– Да! – рычу, ненадолго замерев, а потом снова начинаю мерить шагами комнату. – Ты и сам прекрасно знаешь, что мой папа не тот идеальный дедушка, к которому с радостью бегут внуки…

– Знаю, конечно, – кивает он и подходит поближе. На секунду кажется, что муж попытается меня обнять. Поэтому шарахаюсь от него в сторону. – Но когда я пришёл, Катя уже позвонила деду и пригласила его на ужин. Если хочешь, я закажу для тебя что-нибудь из ресторана, а твоему отцу скажу, что ты приболела.

– Замечательно! – заявляю раздражённо. – Значит, мне теперь прятаться в комнате? Стать затворницей в собственном доме?

– Это наш общий дом, – не к месту вставляет Николай, мгновенно заслужив мой недобрый взгляд. – Ну я хотел сказать, что Катя не должна чувствовать себя здесь стеснённо.

– А я должна? – спрашиваю прямо. – Как интересно ты расставляешь приоритеты. Я хочу уехать отсюда!

– Куда, Марин? – устало спрашивает муж, потирая переносицу. – К отцу? Тебе некуда идти.

– А ты и рад, – растягиваю губы в улыбке и со злостью пинаю кресло. – Рад, что я здесь как в клетке и не могу сбежать?

– Нет, не рад, – он качает головой и снова пытается приблизиться. – Давай ты сейчас успокоишься, а я придумаю что-нибудь…

– Да что ты можешь придумать? – отмахиваюсь от него, как от назойливой мухи.

– Я куплю тебе квартиру, – роняет он.

До меня не сразу доходит смысл сказанного. Открываю рот, чтобы сказать очередную колкость, но замираю. Смотрю на Николая и понимаю, что он не шутит. Он сейчас говорит серьёзно.

Сдерживаю внезапный порыв, чтобы не бросится к мужу на шею. Просто стою и неверяще гляжу на мужа, опасаясь спугнуть внезапную удачу. Ведь если всё это сказано не для того, чтобы меня успокоить, я всё же смогу начать новую жизнь. Я уеду из этого дома, устроюсь на работу и забуду про всё, что со мной случилось.

Внезапная радость настолько сбивает меня с толку, что я падаю на кровать и замираю. Смотрю в стену растерянным взглядом, всё ещё не веря, что муж и правда всё это сказал.

– Марин, – зовёт Коля, присаживаясь рядом. – Ты как?

– Нормально, – киваю отстранённо.

– Может, тогда, найдёшь в себе силы поужинать с дочерью и отцом? – спрашивает он. – Катя старается, ужин готовит. Если у тебя хватит сил, спустишься хотя бы на несколько минут?

– Спущусь, – снова киваю.

Я ведь и правда могу немного потерпеть. Мне несложно. Когда в конце этого тоннеля безысходности забрезжил свет, я почувствовала невероятное облегчение. Мне даже дышать легче стало. И из-за какого-то дурацкого ужина я точно не умру. Выпады дочери буду игнори-

ровать. Да и вообще возможно, что при отце и при деде она не станет ввязываться в ссоры. Да, я практически уверена, что так и будет.

– Спасибо, – Николай улыбается и накрывает ладонью мою ладонь.

Я вздрагиваю, но руку не отдёргиваю. На секунду кажется, что всё снова становится как прежде. Мы с мужем счастливы и любим друг друга… Смотрю в его глаза и понимаю, что всё ещё люблю этого мужчину. Как же всё-таки трудно просто взять и выкинуть его не только из головы, но и из сердца. Умом я понимаю, что он предатель. Я должна его ненавидеть. Но только не сейчас. Не тогда, когда он так нежен. Так заботлив… Я знаю, что он причинил мне невероятную боль. Но целых двадцать лет я была счастлива рядом с ним. Да, бывали в нашей жизни и трудные времена. Но сейчас мне кажется, что это были лишь короткие, незначительные моменты.

– Я пойду, – муж поднимается и трёт рукой шею. – Может, Кате нужна помощь с готовкой.

– Ты станешь помогать готовить ужин? – беззлобно уточняю я.

– Ну я могу хотя бы попробовать, – он пожимает плечами и выдавливает улыбку. – Кулинар из меня никакой. Сама знаешь.

– Знаю, – киваю я. – Не хотелось бы найти в салате твои пальцы.

– Постараюсь их не шинковать, – соглашается он.

Николай выходит из комнаты, а я так и сижу на кровати с лёгкой улыбкой на губах. Хотелось бы мне посмотреть на то, как он будет готовить. Но мне пока не хочется выходить из своего укрытия. Правда, как бы я ни противилась, мне всё равно придётся покинуть Машину комнату. Я должна привести себя в порядок. Спать прямо в костюме оказалось плохой идеей.

На то, чтобы принять душ и переодеться у меня уходит целый час. Но результат того стоит. Смотрю на себя в зеркало и отмечаю, что выгляжу совсем неплохо. И взгляд больше не кажется тусклым и болезненным. Глаза блестят, а губы сами собой растягиваются в улыбке.

В дверь звонят, и я понимаю, что мне пора спускаться. Это, должно быть, отец.

Спускаюсь по лестнице, пытаясь унять излишне частое сердцебиение. Звонок повторяется, и я слышу голос Кати.

– Я открою!

Дочь выбегает из кухни и, не замечая меня, распахивает входную дверь. Я тут же замираю, увидев, кто именно пришёл в наш дом.

– Олеся! Ты как раз вовремя, – радостно восклицает Катя и пропускает женщину внутрь. – Не стесняйся. Чувствуй себя как дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.